

*К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ*

БОЕВЫЕ ПОХОДЫ СУБМАРИНЫ АЛЕКСАНДРА МАРИНЕСКО

Геннадий ЗЕЛЕНЦОВ, рулевой-сигнальщик подводной лодки «С-13»

В журнале «Россия и АТР» № 1 за 2005 г. были опубликованы размышления Е.А. Плаксена о книге немецкого писателя Г. Грасса «Траектория краба». Главное в этой книге — рассказ об уничтожении фашистского лайнера «В. Густлофф» советской подводной лодкой «С-13» под командованием А. Маринеско. В книге дана оценка как самому А. Маринеско, так и его действиям с немецкой стороны.

Сегодня читателю предлагается описание тех же событий и командира «С-13» членом экипажа этой субмарины А. Зеленцовым.

В конце 1943 г. меня направили рулевым-сигнальщиком на подлодку «С-13». Я добирался до места ее нахождения в ненастный день под холодным дождем со снегом. Несмотря на штормовую погоду, в гаванях сновали буксиры, из сухих доков морзавода доносился треск отбойных молотков, временами там вспыхивали отблески сварки. Над головами поминутно пролетали тяжелые снаряды фашистов, обстреливавших город. Эхо взрывов доносилось от северных фортов, базы Литке, с Бычьего поля. Содрогались дома, воздух пропах пороховой гарью. В ответ в сторону противника с острова улетали двенадцатидюймовые снаряды.

Кронштадт жил, боролся, ремонтировал боевые корабли, готовя их к предстоящим боям. В числе ремонтируемых была и ПЛ «С-13». Эта лодка обладала хорошей скоростью, имела мощное торпедное вооружение и две пушки калибром в сто и сорок пять миллиметров. Командир корабля капитан 3 ранга Александр Иванович Маринеско был на «С-13» новым человеком, хотя и считался опытным подводником. За зиму 1942—1943 г. на лодке произошли большие изменения в личном составе. Прежнего командира субмарины перевели на другой корабль. Как часто бывает, уходя, командир захватил с собой и старшего помощника. Штурмана и многих старшин групп перевели на другие лодки. Специалистов не хватало, их перебрасывали с одного корабля на другой. Экипаж «С-13» пополнили в основном за счет специалистов других лодок, и к моему приходу не досчитывалось лишь несколько человек.

Всю зиму 1942—1943 г. лодка пробыла в ремонте. В доке был отрезан и заменен новым изуродованный вертикальный руль, поставлена система беспузырной стрельбы, залатан разорванный глубинными бомбами легкий корпус, приварены нижние ножи сетепорезателя. Лодка как бы родилась вновь. Отработку боевых задач команда проводила в Неве, в «Охтенском море», между мостами. После принятия командованием экзаменов от обновленного экипажа (их сдавали и командир, и штурман, и старпом), ПЛ была признана способной выйти в море для боевых действий.

10 августа 1943 г. нам приказали перейти в Кронштадт для окончательной подготовки к боевому походу. Меня как новичка в первую очередь интересовал командир лодки, и во время очередного перекура я спросил у старшего рулевого-сигнальщика Анатолия Виноградова:

— Толя, не расскажешь ли о командире? Я слышал о нем только, что он на «М-96» был командиром и утопил крупный транспорт..

— Я сам мало что о нем знаю, — ответил Анатолий. — Ты лучше боцмана порасспроси, они на «малютке» вместе плавали.

Постепенно я кое-что узнал о командире. Родом он был из Одессы, а это значило, что он моряк с детства и, как говорят, «от кия до клотика». Отец румын (вот откуда необычная фамилия). Александр Иванович в двадцать лет окончил Одесскую мореходку. Плавал штурманом и капитаном на транспорте «Красный флот»...

Нехватка кадров при большом строительстве боевых кораблей вынудила призывать специалистов торгового флота в ряды ВМФ. Так на флот попали известные подводники А.М. Матиясевич, С.А. Полещук и многие другие. После спецкурсов Маринеско назначили штурманом на ПЛ «Щ-306», затем снова учеба на высших курсах командного состава. В 1939 г. лейтенант Маринеско принял под свое командование ПЛ «М-96»...

Мне, как и большинству матросов «С-13», пришлось осваивать стрельбу из торпедных аппаратов, научиться пускать в ход все отливные средства и даже работать на ходовой электростанции, а при необходимости запускать и дизели. Матросы помогали друг другу, поэтому сдача курсовых задач дивизионно-му механику инженер-капитану 2 ранга Коржу проходила очень строго. Точно в срок заделывались «пробоины», даже в самых неудобных местах, умело тушились «пожары», устранялись «повреждения» механизмов. В конечном счете замечаний у командования бригады к экипажу не оказалось.

Зима 1943—1944 г. выдалась на редкость капризной: то дождь, то снег, а чаще всего над Кронштадтом и застывшими в ожидании весны кораблями висел густой туман. Лед стоял только до Гогланда, а дальше залив был чист, как стеклышко. Для подводных лодок Финский залив оказался наглухо закрытым: все заминировано, заставлено противолодочными сетями. Отшумела тальми водами весна, а мы все еще оставались на месте. Нашу субмарину вывели на открытый рейд, мильх в двух от Кронштадта. Но условий для прорыва лодок сквозь Финский залив все не было.

Как-то меня вызвали к командиру.

— Поедем на рыбалку, — сказал он мне, — ухи хочется, меня от сухих продуктов изжога замучила.

Вышли вдвоем на тузике, небольшой шлюпочке, приданной лодке для всякого рода работ и передвижений при стоянке корабля на рейдах. В боевых походах тузик сдавали на склад, чтобы разбитые бомбами щепки от него не могли выдать местонахождение лодки.

Море было спокойно, кругом тишина, словно и войны поблизости нет. Мы тихо говорили с командиром. Я рассказал ему о Волге, а он мне об Одессе.

— Я никогда не хотел быть военным, — сказал командир. — Море, мирные корабли — вот моя любовь. Военным я стал по долгу. Как окончится война, если будем живы, конечно, вернусь опять в торговый флот..

Прошло лето и, наконец, 1 октября 1944 г. были отданы швартовы и дан ход электродвигателями. Впереди нас развернулись пять базовых тральщиков, им в кильватер встало несколько подводных лодок, среди которых и наша «С-13». По бортам в строй вставали юркие катера — морские охотники. Забурлила вода от винтов, медленно уплывал вдаль пирс бригады подплава, а с ним уходила и земля Родины. Группы ПЛ первого дивизиона бригады двинулась в море.

В очередную смену вахт я вышел на мостик, забрался на тумбу перископа, огляделся вокруг в бинокль. Незнакомая страна, чужой красивый город. Это была Финляндия. Виден скалистый остров, а на нем знаменитая крепость Свеаборг, историю восстания в которой знал каждый балтийский моряк. Мимо проходили маленькие пассажирские пароходики, которые у нас на Волге,

в Горьком, зовут «фильянчиками» (возможно, сначала было «финляндчики»). С них на нас взирали довольно мрачные люди в свитерах. Были и старые, и молодые лица, и все словно гадали, что же сделают с ними русские. А нам было не до них. «С-13» взяла на буксир морского охотника, свою защиту и охрану от вражеских подводных лодок, и устремилась дальше на запад. Вслед за нами идет минный заградитель «Л-3». Шхерный фарватер у финнов был отлично обвехован дневными и ночными знаками. Плынешь, как по Волге, где-нибудь у Жигулей. Кругом величественная природа, скалистые, поросшие елями и карликовыми березками острова. Маленький «мошка» (МО — морской охотник) бежит за лодкой, словно пудель на привязи. Каждая уходящая в море ПЛ ведет на буксире свою же охрану до особо опасного места при выходе из шхер. Оранжевые блики угасающей зари медленно погружались в море. На фарватере зажглись огни.

Я стою на руле, рядом со мной — наш штурман и финский лоцман. Первыми словами пришедшего на корабль лоцмана были:

— Дас ист инглиш унтервассербот?

— Рашен субмарине, — ответил по-английски штурман Николай Яковлевич Редкобородов.

Этим он очень удивил лоцмана. Не верили они в нашу силу. Здорово им Геббельс мозги «припудрил». Когда лоцману вынесли стакан спирту, разведенного градусов до шестидесяти, бутерброды с ветчиной и красной икрой, он удивился еще больше. Его подразвезло, и кроме «хюве русланд» — хорошие русские, — он уже и выговорить что-либо не мог. Перед сменой штурман предложил финскому лоцману «посошок» на дорожку, и тот в знак особого уважения подарил штурману свою карту со всей обвеховкой и лоцманскими знаками. Это было кстати, а то мало ли что другому лоцману в голову взбредет. Наши секретные карты на мостик не вынесешь, а коррективы по обвеховке вносить на ходу не так-то просто. На смену приняли нового лоцмана, а этого добряка матросы осторожноенько на руках спустили в катер. Новый лоцман был педант, от водки отказался, бутерброды жадно сжевал всухую. Жуя, он командовал мне:

— Линкс мало... Рекс... И опять линкс... — Штурман вел за ним незаметный контроль по подаренной карте. На мостике все спокойно, как в своих водах. Матросам нижних команд хочется взглянуть на загадочные шхеры, хотя бы минутку постоять на мостике, подышать чистым воздухом. Командир и вахтенный офицер в этом им не препятствуют, разрешают матросам по два-три человека постоять на мостике, на свежем воздухе, поглазеть на чужую незнакомую страну.

Но вскоре все прекращается. Мостик опустел, лодка огибает полуостров Ханко.

На лоцманской станции сошел лоцман-педант, не сказав за все время пребывания на лодке лишнего слова. Смену ему уже не взяли, места здесь были хорошо известны еще с сорок первого года. Вскоре на нашей «С-13» прозвучала команда:

— Приготовиться к погружению!

Снимаю выносной пост рулевого управления и перехожу в ходовую рубку. На эскортных кораблях сигнал «Желаю счастливого плавания». Сигнальщик Анатолий Виноградов спускается с тумбы перископа в центральный пост.

— Лодка готова к погружению! — докладывает снизу инженер-механик Дубровский. Вниз по трапу спускаются наблюдатель кормовых курсовых углов Алексей Юров, вахтенный офицер старпом Лев Петрович Ефременков и последним — командир. Он захлопывает крышку люка и обжимает кремальеру. Приказывает:

— Погружение! Глубина двадцать пять, — и неторопливо оглядывает центральный пост: — Ну, вот мы и в море. Командуй, Лев Петрович. Я пойду отдохну.

Лодка взяла курс к берегам Германии. Шестого октября она заняла отведенный ей квадрат моря и приступила к поиску вражеских кораблей у входа в Данцигскую бухту и с отходом в сторону Мемеля. Но транспорты шли районами мелководий, где глубины не превышали пятнадцати — двадцати метров, а там лодке их было не достать. Я из рулевой рубки, где несую вахту, слушаю спор.

— Ночью ворваться, провести молниеносную атаку и тут же, не погружаясь, уйти самым полным в район безопасных глубин, — убеждал товарищей самый ярый сторонник дерзких атак Николай Яковлевич Редкобородов. Командир был невозмутим. Сидя на разножке, он слушал спор штурмана и старпома, но своих мыслей не высказывал, однако и спорить не мешал. Время от времени командир поднимался в ходовую рубку, командовал спокойным голосом:

— Боцман, подвсплыви, посмотрим, что на белом свете творится.

Оглядев в перископ горизонт, Александр Иванович разочарованно нажал на кнопку. Опустив перископ, сел на корточки на свободное местечко возле ног рулевого, в раздумье закурил папиросу. Сделав несколько затяжек, он, откусив разжеванный мундштук, протягивал чинарик рулевому.

— Хвати пару раз, — предлагал он и бесшумно, по-кошачьи, спускался в центральный пост, подходил к штурманскому столу. Спор, видимо, и его задел за живое, но ему прежде чем лезть в «волчью пасть», нужно было еще крепко подумать. С наступлением темноты 9 октября 1944 г. всплыли, как обычно, для зарядки аккумуляторной батареи и пополнения запасов воздуха. Лодка шла с двенадцатиузловой скоростью, море было на удивление спокойным. Штурман уточнял наше местонахождение по звездам, возился с секстантом. «Видать, все же задумали заглянуть ближе к берегу», — подумал я, глядя, как штурман прыгает по трапам с тумбы перископа в центральный пост к картам. Вскоре я сменился с рулевой вахты и ушел к себе в седьмой отсек, прилег, не раздеваясь, на койку и забылся. Видимо, когда плотность аккумуляторной батареи уже была близка к норме, мы взяли курс в сторону мелководья, изменился характер качки корабля, и все это почувствовали. Лодка шла ближе к берегу. И вдруг по переговорной трубе все услышали команду:

— Внизу! Торпедная атака!

По отсекам разнесся сигнал боевой тревоги. Люди стремглав разбежались по боевым постам. Мой пост — тумба управления вертикальным рулем вручную, рядом с койкой. Пришлось только ноги свесить. По переговорным трубам звучали команды:

— Штурмана — на ночной прицел! Аппараты два, три, товсь! На руле, пять право по компасу. — И через несколько секунд:

— Аппараты... Пли!

Из первого отсека доложили:

— Торпеды вышли!

Да, торпеды ушли, но на транспорте, видимо, засекли момент залпа и тут же застопорили ход. Торпеды прошли мимо судна противника.

— Ах ты, гад! — вскрикнул командир. — Не уйдешь! Четвертый аппарат, товсь!

И, выждав, когда лодка встала на угол атаки, командовал:

— Пли!

Но четвертая торпеда также прошла мимо. Бывалый капитан, ничего не скажешь, поставил корабль под острым углом к лодке и в момент выстрела дал полный ход. Торпеда прошла за кормой транспорта.

— Артрасчеты, наверх! — командовал распаленный неудачей командир.

По отсекам взвыли ревуны, возвещая артиллерийскую тревогу. Моряки артрасчетов стремглав вбежали в центральный пост и, кто в чем был, повыскакивали на мостик. Снимались пробки со стволов орудий, открывались кранцы первых выстрелов, снарядный люк прочного корпуса. Стволы пушек

покатились в сторону вражеского корабля. И все это в несколько секунд. Матросы, уже готовые к бою, стояли на местах в ожидании команды.

— Расчет к бою готов! — донесся доклад командира 100-миллиметрового орудия старшины 1 статьи Андрея Пихура.

— Расчет к бою готов! — доложил старший матрос Алексей Юров, направив ствол 45-миллиметровки на ходовой мостик транспорта.

— Минер — к сотке, штурман — к сорокапятке! Открыть огонь, — распорядился командир.

— По транспорту фугасным... Огонь! — крикнул старший лейтенант Василенко, не спускаясь с мостика. То же скомандовал и штурман.

В ответ с фашистского судна ударила четырехствольная автоматическая пушка. Свист снарядов, пронесшихся огненными трассами над ходовым мостиком рубки ПЛ, заставил многих пригнуть головы. Командир стоял как вкопанный.

— Не кланяться фашистам! Бить осколочными! — как всегда, негромко, но твердо приказал командир:

— Ну-ка, Юрочка, дай прикурить этой зажигалке, чтоб не шипела!

На мостике транспорта одна за другой сверкали огненные вспышки от взрывов наших снарядов. Это стрелял старший матрос Алексей Юров. Вскоре стрельба транспорта прекратилась. Сотка била, как кувалда по наковальне, методично и мощно, не успевала еще грохнуться на палубу стреляная гильза, как старший матрос Георгий Быстров совал в открывшуюся пасть орудия новый снаряд. Клацал замок и...

— Готово! — кричал заряжающий, нагибаясь тут же за очередным снарядом.

Снаряды один за другим вспарывали борт транспорта и разрывались внутри, кореза и круша взрывами его «начинку». Дымилась краска на стволах пушек, у сотки закипело масло в накатниках... Теперь орудия били не переставая под ватерлинию. Транспорт, распуская шлейфы огня и дыма, кренясь на борт, пошел на лодку — на таран.

— Право на борт! — тут же среагировал командир.

Продолжая описывать дугу вокруг транспорта, лодка долбила его из орудий. Наконец расчет сотки всадил в приподнятую скулу судна фугасный снаряд. На транспорте поднялся огненный столб, ходовая рубка судна взлетела в небо и обломками рухнула в воду. Фырча фонтанами брызг, корпус корабля скрылся под водой. Море поглотило его.

Нужно было немедленно уходить, берег врага рядом, и в любую минуту могут налететь самолеты, торпедные катера и корабли ПЛО, а под килем лодки глубины явно недостаточные. ПЛ, набирая скорость, вспарывала острым штевнем предрассветную гладь моря, устремляясь в сторону спасительных глубин.

И снова продолжился поиск врага. Фашистские транспорты стали еще осторожнее, жмутся вплотную к мелководью, куда лодке никак не пробраться. Настойчивый поиск не давал результатов. Две торпедные атаки из-под воды с очень дальней дистанции были безрезультатны.

11 ноября 1944 г. лодке приказали оставить позицию и возвратиться на базу. На другой день в районе маяка Утэ мы вошли в шхеры. Нас встретил «БТЩ-217» (базовый тральщик), который привел лодку в гавань Ханко. Ошвартовались у борта прибывшей туда плавбазы «Смольный». Через неделю лодку перевели в Хельсинки для ремонта и снятия обрусовки миноотводов по легкому корпусу. Ноябрьские праздники экипаж «С-13» провел в море и, можно сказать, было не до празднования. Море штормило, а под водой за нами увязалась фашистская подводная лодка. Она держала экипаж в большом напряжении, преследуя нас по пятам и угрожая торпедным залпом. Зато День Конституции встречали на «Иртыше» — плавучей базе лодок, стоявшей в Хельсинки. Праздник прошел весело, жаль, я был дневальным по кубрику, когда все веселились.

Наша лодка тем временем стояла в доке, где финские рабочие под наблюдением старшин и матросов производили ремонт механизмов. Работали они, конечно, не по-стахановски, медленно, но очень аккуратно. Перебрали нам водосливные насосы, часто капризничавшие турбовоздуховки для наддува дизелей, значительно улучшили центровку торпедных аппаратов, заменили многие подшипники. Качество работы покажет очередной поход, но при опробовании механизмов претензий у команды к финским рабочим не было.

Перед новым годом лодка вернулась в Ханко. Пришвартовалась к кораблю-отопителю, маленькому пассажирскому пароходчику «Норд Стерн». Началась срочная подготовка к очередному походу. Команда работала от подъема до темна. Наша ПЛ то и дело перемещалась. То к «Смольному» за торпедами, то к береговым причалам за боепитанием, то к танкеру «Николай Островский», прибывшему с соляром и маслом. Продукты в банках, мешках, ящиках мы спускали на тросах, таскали на себе через узкие люки, распределяя равномерно по отсекам. Размещали, где только можно и крепили по-штормовому (провизионки малы, они рассчитаны на кратковременные походы, и не вмещали и половины того, что требовалось лодке в походе). При этом сокращался объем воздуха для дыхания, а он порой бывал дороже питания. Мотористы бочками катили по перевернутой сходне дизельное масло и сливали через воронки в масляные цистерны. К новому году лодка полностью была готова к боевому походу.

9 января 1945 г. был получен боевой приказ командования — выйти в море и занять боевую позицию у южного побережья Балтики. Лодка без сопровождения вышла из Ханко. На рейде Салсэ нас встретил «БТЩ-215» и повел к точке погружения. Вскоре мы были уже на позиции. Начался круглосуточный поиск противника. Днем — под водой, в промозглom холодном отсеке матросы надевали на себя кто меховое, кто ватное, но все равно было зябко. Над водой мороз минус пятнадцать — двадцать, а лодка не отапливалась, энергию берегли на более горький час. Люди несут вахты на боевых постах и, сменявшись, отдыхают, не раздеваясь. Я стою на руле или на сигнальной вахте, меняясь с Анатолием Виноградовым. Другие смены также меняются, так как на сигнальной вахте мороз градусов под двадцать с ветерком и штормами. Море обольет тебя ледяной водой, да еще, того гляди, сапоги к железу приморозит, приходится всю вахту топтаться с ноги на ногу. А на руле, хотя порой и обдаст тебя через люк разбушевавшееся море, но все же теплее: нет такого пронизывающего ветра, как на мостике. В центральном отсеке у горизонтальных рулей сидит на разnojке без смены боцман, подстраховывает сигнальщика на случай срочного погружения. Так можно сэкономить несколько секунд, а они могут быть именно те — спасительные для лодки секунды. Люди молчаливые, утомленные. Штормовая погода, однообразие жизни действуют угнетающе.

Дни проходили в томительном ожидании. На поверхности одна мелочь, не стоящая торпеды, вдоль побережья сновали мелкие катеришки, буксирчики и мотоботы. А в бухте Данцигской подозрительно дозорные катера так и шныряют возле фарватера, хотя погода для них явно неподходящая.

— К чему бы это? Как ты думаешь, Лева? — спросил командир старпома.

— Может, ночью что-нибудь ценное появится? Ты, Лев Петрович, повнимательней оглядывай горизонт, не исключено, что и днем что-либо крупное будет. Подвсплывай чаще, минут через пятнадцать, и проваливайся метров на тридцать. Передай это по вахте, а я пойду часок-другой вздремну до всплытия. Если что стоящее — буди немедленно.

— Есть, товарищ командир, будет сделано, — ответил старпом и поднялся в ходовую рубку, где я нес вахту у поста управления вертикальным рулем.

Не прошло и двух часов, как командир вернулся обратно в рубку, сел на корточки у шахты перископа и закурил.

— Ну как там, Лев Петрович? — спросил он буднично.

— Без изменений, товарищ командир, — ответил старпом, вращая головку перископа.

— Пора, пожалуй, подгрести ближе к берегу, — сказал командир словно самому себе и позвал:

— Внизу! Штурман, поднимись сюда на пару минут.

В рубку поднялся капитан-лейтенант Редкобородов, встал рядом с командиром, чтобы не мешать старпому оглядывать в перископ горизонт.

— Николай Яковлевич, посмотри, пожалуйста, где нам лучше встретить фрицев. Да так, чтобы и маневр был, и глубины подходящие. Желательно бы поближе к западному входному мысу в Данцигской бухте, где разделение фарватера происходит. Спускайся вниз, посмотри вместе.

Командир спустился в центральный пост и подошел к штурманскому столу. Следом за ним спустился старпом. Штурман поспешил за командиром. Вскоре последовала команда на руль. Лодка круто повернула в сторону берега.

— Очередной смене заступить на вахту!, — раздалась по переговорным трубам команда вахтенного офицера. Я передал вахту Николаю Гончарову и направился к себе в седьмой отсек, съел оставленный ужин и прилег. Уснул тут же, едва коснувшись головой подушки. Разбудила меня команда:

— По местам стоять, к всплытию!

Я не торопясь, поднялся с койки, сел и, ежась от холода, начал протирать глаза. Команда меня мало касалась, нужно было только не спать. Давно уже опытные подводники при всплытии и погружении обходились вахтами, не привлекая на боевые посты старшин групп или старших специалистов.

В центральном посту раздалась команда:

— Всплывать!

Затем прозвучала следующая:

— Продуть среднюю!

Лодка выскочила на поверхность. Хлопнул, как огромная хлопушка, правый дизель, за ним левый. Лодка, раскачиваясь в килевой качке, начала набирать ход, в отсеках запахло парами солянки, врывались, неистово воя, в переговорные трубы струи свежего воздуха, пахнувшего морем и солью. Людьями овладело тревожное напряжение.

— Справа двадцать заработал маяк! — вскоре крикнул, протягивая руку в сторону маяка, сигнальщик Виноградов.

— Внизу! Пригласите штурмана на мостик! — крикнул старпом.

Я отрепетовал в переговорную трубу, и капитан-лейтенант Редкобородов стремительно поднялся на мостик.

— Это зажегся маяк Рисгефт, — произнес он, не раздумывая.

— Раз заработал маяк, то, наверное, намечается вход или выход крупных кораблей, — предположил, обращаясь к штурману старпом.

Не успел он закончить мысль, как прозвучал новый доклад сигнальщика:

— Огни прямо по носу!

И точно. Прорезая снежную мглу, мелькнуло несколько слабеньких точек, словно светлячки.

— Внизу! Командира просьба наверх! — нагнувшись над люком, крикнул старпом.

Командир в секунду оказался на мостике. Посмотрел и подтвердил:

— Конвой. — И тут же последовала команда Маринеско:

— Боевая тревога!

Раздались тревожные сигналы ревунов, инженер-механик Коваленко командовал в переговорную трубу:

— Стоп, зарядка! Оба дизеля на ход!

Командир отдавал приказы:

— Право руля! Курс 240.

Лодка, накренившись, покатила вправо, разрезая волны и разворачиваясь носом в сторону вражеских кораблей. На горизонте то мелькали, то исчезали за гребнями волн тусклые огоньки и расплывчатые силуэты кораблей.

— Принять балласт, кроме средней! — распорядился командир.

Лодка, вздрогнув, осела и стала менее заметной, да и руля стала слушаться лучше. Крутые волны уже не так сбивали ее с курса.

— На мостике! Слева сто шестьдесят, слышу шум двухвинтового корабля на большом ходу. Очень похож на крейсер, — передал акустик Иван Шнапцев.

— Право на борт! Продуть балласт. Дизелями самый полный вперед! — тут же отреагировал командир.

— Есть право на борт! — крикнул я, переключивая руль. Быстро защелкала катушка репитера, откатываясь на юго-запад. Я докладывал румбы, мелькавшие один за другим:

— На румбе сто двадцать... Сто тридцать... Сто сорок... Сто пятьдесят...

— Так держать! — скомандовал Маринеско.

Началась погоня. Бинокли стоящих на мостике людей повернулись в сторону носовых курсовых углов. Прошло томительных минут пятнадцать-двадцать, лодка стремительно шла к невидимой цели. Вскоре горизонт слегка прояснился.

— Вижу большой корабль, справа пять, — доложил сигнальщик.

Все головы повернулись, как по команде.

— Не поймешь, чего они там волокут, док, что ли? — спросил штурман.

— В нашем деле и док немаловажная цель. Главное — утопить, — ответил командир. — Впереди идет миноносец, а за ним лайнер, — вскоре уточнил он, разглядев корабли в ночной бинокль, взятый у сигнальщика.

Через несколько минут с мостика стал уже всем хорошо виден затемненный силуэт огромного лайнера, идущего в западном направлении. Маринеско был внешне спокоен, не повышая голоса, отдавал точные короткие команды.

— Штурман, как пеленг? — спросил он Редкобородова.

— Быстро меняется на нос, — доложил с тумбы перископа штурман.

— Вот чертовщина, — сказал командир. — Проскочили все-таки цель. Уходит, красавчик... Видно, запоздали мы с поворотом. Ну нет, голубчик, ничего не выйдет. Догоним!..

В это время с миноносца взвилась ракета, направленная в сторону нашей лодки.

Однако миноносец прибавил ходу и ушел мористее.

— Пронесло! — облегченно вздохнули на мостике.

— Полный вперед! Курс двести восемьдесят, — скомандовал Маринеско невозмутимо, словно минуту назад и не было никакой опасности для лодки.

— В центральном! Какая скорость? — спросил командир.

— Шестнадцать узлов, — тут же отозвался механик.

— Дать самый полный! — приказал командир.

Я в ходовой рубке перевел ручки машинного телеграфа на самый полный, доложив исполнение, отрететованное из дизельного отсека.

— Штурман, как пеленг? — снова поинтересовался командир.

— Очень медленно меняется, — доложил штурман, прицеливаясь еще раз пеленгатором на лайнер. Прибавить бы еще скорость.

— Внизу! — крикнул командир и, получив ответ, приказал: — Добавить оборотов!

— Товарищ командир, восемнадцать узлов, — ответил Коваленко. — Клапана подрывает.

— Форсировать дизеля! — приказал командир. — Игра стоит свеч. Объясни мотористам, что к чему... Мотористы Петр Плотников и Василий Прудни-

ков увеличили жесткость пружин предохранительных клапанов. Дико воя, вращались воздуходувки. По отсекам гулял ураганный ветер. Дизели жадно заглатывали воздух, пахло горелым маслом, плавал сизоватый дымок соляра и тонкими струйками уходил в забортные решетки. Вот когда сказалось качество работы финских умельцев! Лодка мчалась со скоростью свыше девятнадцати узлов, разрежала острым форштевнем накатывающиеся волны. В антеннах завывал шальный ветер, мороз тупой бритвой скоблил лицо, леденящие всплески волн обдавали стоящих на мостике людей. Но никто этого не замечал, всем было жарко.

Лодка нагоняла лайнер, шла параллельно его курсу в десяти кабельтовых от него и уже вошла в район малых глубин. И хорошо, и плохо. Хорошо, что лодку незаметно в облачности, нависшей над морем, а плохо, что при обнаружении кораблями охраны нам не укрыться в спасительных глубинах. Они неблизко.

Определив, что лайнер идет курсом двести восемьдесят градусов со скоростью шестнадцать узлов, на мостике рассчитали боевой курс и углы атаки. Погоня длится уже второй час. Громада лайнера высотой с девятиэтажный дом начала отставать. Сигнальщик Анатолий Виноградов обнаружил новые корабли охраны. Это лайнер нагоняли приотставшие суда конвоя, а навстречу лайнеру шла эскадра из шести миноносцев с тяжелым крейсером во главе, их силуэты были уже хорошо различимы и без бинокля. Еще несколько минут, и погоня за лайнером станет невозможной. И вот он, долгожданный момент! Лодка уже обошла лайнер, получила возможность лечь на боевой курс.

— Стоп, дизеля. Оба электромотора малый вперед! — командует Маринеско. — Принять балласт, кроме средней. Право на борт!

Я сильно нажал на кнопку колонки управления рулем, переложил руль «право на борт». Доложил исполнение и слушал все, что происходило на мостике, не отрывая глаз от репитера гирокомпаса и непрерывно докладывая изменение курса.

— На румбе — десять градусов! — приказал командир Маринеско.

— Есть! На румбе десять! — доложил я через несколько секунд, отводя руль резко вправо и удержал лодку, пытавшуюся по инерции проскочить заданный курс.

Старпом забрался на тумбу перископа, встал рядом с сигнальщиком и склонился над прицелом.

— Лев Петрович, как придет этот красавец на визир, командуй, — спокойно сказал командир и тут же спросил:

— Внизу! Как носовые аппараты?

— Носовые на «товсь»! — ответил мичман Поспелов.

— Добро! — сказал командир, взглянув в силуэт корабля, оценивая расстояние до цели.

— На румбе пятнадцать, — распорядился Маринеско, чтобы ускорить атаку.

— Есть, — ответил я и быстро привел лодку к новому курсу.

Цель наплывала на визирную линейку ночного прицела.

— Есть! — обрадованно воскликнул старпом.

— Пли! — крикнул командир, машинально взглянув на часы.

Резкий толчок. Лодка на долю секунды как бы уперлась во что-то мягкое, притормозившее ее ход...

— Первая вышла! — доложили снизу.

— Вторая!.. Третья...

— Четвертая не вышла! — обеспокоенно доложили снизу.

— Есть! — как ни в чем не бывало отозвался командир.

До нас донесся звук сильного взрыва в отдалении, второго, третьего... Громада лайнера вздрогнула, пошатнулась и, накренившись на левый борт, начала

зарываться в волнах. Выждав несколько секунд, чтобы убедиться в окончательном успехе, командир распорядился:

— Всем вниз! Срочное погружение!

Лодка плавно уходила в глубину, постепенно замедляя скорость погружения. Вскоре стала слушаться горизонтальных рулей. Все стало на свои места. В отсеках началась привычная работа на боевых постах. В глубине моря прокатилось гулкое эхо, не похожее на разрывы глубинных бомб. Это лайнер, ударившись о скалистый грунт, подпрыгнул, как огромный мяч, рассыпая обломки металла, и ухнул снова на дно.

Наступила напряженная тишина, и все же радость не оставляла нас. Одному командиру отделения акустиков старшине Ивану Шнапцеву было не до этого. В шлемофоне сплошной гул от винтов, попробуй разобраться, откуда ждать нападения на лодку. Семь больших кораблей-охотников устремились на подводную лодку. Появился необычно мощный рев винтов. Шумы различались просто на слух, без приборов. По корпусу, как горох, рассыпалось эхо «стрекочущих кузнечиков» от гидролокаторов противника. Командир развернул лодку в сторону моря и повел ее там, где на поверхности должны быть люди, спасающиеся с лайнера. Их начнут спасать, и бомбить в этом месте наверняка не будут, что даст нам возможность отойти подальше от места катастрофы. Рванули первые бомбы, гулким эхом ушли в глубину раскаты взрывов. Взрывы глубинных бомб то уходили раскатами вдаль, то приближались. Стрекотание «кузнечиков», ударяющих в корпус лодки, тут же переходило за корму, лодка то и дело меняла курс, и эхо локаторов проскакивало мимо. По всему чувствовалось, что нас бомбят наугад, не зная точно нашего места. Лодка маневрировала, меняла курс, скорость хода и держала минимальную, всего пятнадцать метров, глубину погружения. Это, безусловно, ввело в заблуждение немцев, искавших лодку на гораздо больших глубинах. По предложению штурмана лодка неукоснительно выдерживала генеральный курс на север, в район наибольших глубин моря.

— Доктор! — через несколько часов позвал командир фельдшера. — Выдай народу граммов по сто и ветчины на закуску, шоколад и еще что-нибудь калорийнее... А главное, проследи, чтобы в отсеках долго не засиживались. Всем как следует отдохнуть! Ясно?

— Так точно, товарищ командир! — ответил лейтенант медицинской службы Степаненко.

Утром лодка подвсплыла с грунта и снова начала боевой поиск. Шестого февраля в туманную ночь, уже перед рассветом на траверзе маяка Хель едва не врезались в подводную лодку фашистов, притаившуюся в засаде в утренней дымке. Она выпорхнула в пяти кабельтовых, как черт из табакерки, у нас перед самым носом. Штурман едва успел крикнуть:

— Лева, смотри!..

— Лево на борт! — скомандовал, не растерявшись, старпом.

Лодка отскочила в сторону.

— Право на борт! — тут же снова приказал старпом.

Сделав мгновенный «поворот-координат», мы метрах в трехстах разошлись с фашистской субмариной. Несмотря на увеличивающуюся опасность, командир упорно оставался на старой позиции в расчете, что немцы еще будут выводить войска, прижатые к побережью. Иного выхода у фашистов не было. Лодка из конца в конец бороздила воды Данцигской бухты вблизи маяка Хель Балтики. Но, увы, море было пустынным. Отойдя от перископа, командир спустился в центральный пост, сел на разножку и задумался. Закрыв глаза, он, сидя, забылся тревожным сном.

— Пора, инженер! — минут через двадцать сказал командир, резко вставая с разножки, словно и не спал только что.

— Пора всплывать! — распорядился он, взглянув на часы.

Лодка пошла из глубины вверх. Продули среднюю. Едва рубка показалась на поверхности, в открытый люк выскочили командир и я, заступивший на сигнальную вахту. Оглядев горизонт, командир разрешил подняться вахтенному офицеру и назадсмотрящему Алексею Юрову. На море туман перемежался со светлыми пятнами.

Начались зарядка аккумуляторной батареи, пополнение запасов воздуха высокого давления и прочие житейские, хозяйственные дела экипажа подводного корабля.

— Слева пятьдесят — шум винтов! — доложил акустик в центральный пост.

— Слева по носу корабли! — тут же крикнул и я. — Похоже, крейсер в сопровождении эсминцев, расстояние двадцать кабельтовых, идет прямо на нас.

Разглядев, что из туманного облака на лодку движется тень большого, полностью затемненного корабля, командир оживился.

— Лево на борт! — скомандовал он. — Внизу! Стоп зарядка. Торпедная атака! Старпом, на ночной прицел!

Команды следовали одна за другой, по отсекам прокатилась тревожная трель звонков, сопровождавшаяся частым миганием ламп.

— Судно двухвинтовое, — уточнял акустик, — сопровождают его несколько кораблей поменьше, вроде миноносцы, но точно установить не могу: шумы сливаются.

— Самый полный вперед! — бросил командир вниз отрывисто. И сразу нам:

— Сигнальщики, смотреть в оба!

— Есть! — ответил я, и без того юлой вертясь на тумбе, выискивая что-либо подозрительное на поверхности моря. Лодка, прикрытая темным фоном стелющихся над морем облаков, медленно обходила эсминцы конвоя левым бортом.

Кажется, целая вечность пролетела за то время, пока лодка вышла на угрожающий угол атаки.

— Право на борт! На румб 340! — не раздумывая, приказал командир. — Кормовые аппараты, товсь!

— Угол раствора два градуса, — доложил старпом.

— Пли! — резко махнув рукой, скомандовал Маринеско.

— Пли! — повторил он через несколько секунд для второго аппарата.

— Торпеды вышли! — доложили снизу.

Секунды показались часами, дистанция была большая.

Но вот вспыхнуло огромное яркое пламя, осветившее мостик лодки. Эхо мощного взрыва докатилось чуть позже. Следом за первым громыхнул второй взрыв, выбросивший огромный клуб дыма. Спустя секунды рванули третий, четвертый, пятый... Подряд один за другим. Очевидно, на вражеском корабле рвались боезапас и котлы.

Крейсер, взятый в кольцо прожекторов, разламывался на куски на глазах у стоящих на мостике подводников и уходил в морскую бездну, озаренный ярким светом прожекторов и ракет.

Лодка самым полным ходом уходила в сторону темного горизонта. Атака прошла блестяще: ни одной бомбы, ни одного снаряда вслед... Немного спуская — курс в свою базу.

Сборник «Морское Братство», г. Нижний Новгород.

SUMMARY. "Fighting Marches of Submarine of Aleksandr Marinesko" is the title of the memoirs by Gennady Zelentsov, steering bugler of this submarine. The author tells in detail the fighting marches of the submarine "S-13", her commander, describes the details of the attack of Hitlerite liner "V. Gukloff".